

"Почему он так на меня смотрит?"

"Тот человек из видения... неужели они говорили обо мне?"

"Я всего лишь послушная фигура на чужой доске? Пешка, созданная богами, чтобы укротить Асира?"

"Но если Морис — это Асир... тогда чем была наша любовь?!"

Прекрасная иллюзия Атлантиды, самое дорогое его воспоминание, на деле оказалась смертоносным оружием. Проклятием, призванным уничтожить Асира. Выходит, боги хотели его руками погубить того, кого он любил больше жизни?!

Хань Цзин безучастно смотрел на сияющую голограмму Атлантиды. Проекция Альтерана продолжала вещать, губы мужчины шевелились, но Хань Цзин больше не слышал ни слова. Лишь слезы молча катились по его побледневшим щекам, оставляя влажные дорожки.

Далеко-далеко, в самом сердце бескрайнего мира Идо, окруженный тысячами звездных систем, парил легендарный Город богов. В этом царстве вечного золотого сияния ласковый ветер Хвер колыхал тончайшие струны мироздания, превращаясь в мириады искрящихся пылинок, которые неспешно кружили над величественными шпилями.

Морис тихо стоял у постели спящей дочери. Его взор был глубоким и неподвижным, словно лишенным всех красок земной жизни. Он больше не был тем прежним Морисом, генералом человеческой армии. Из оков древней печати восстал истинный Асир.

Бог безмолвно созерцал бледное лицо девочки. За долгие миллионы лет своего одинокого существования он и подумать не мог, что у него появится дитя.

"Одиночество...?"

В его сияющих золотых глазах промелькнула редкая тень сомнения. Асир нахмурился, и его взгляд мгновенно посуровел, наливаясь глухой, едва сдерживаемой яростью. Стоило безупречному, холодному разуму дать слабину, как темные, хаотичные эмоции попытались захватить его волю. Но божество инстинктивно отвергло эту слабость. Асир ненавидел малейший намек на потерю контроля, признавая лишь абсолютную, кристальную ясность ума.

Он протянул руку. На кончиках его пальцев затеплилось мягкое сияние чистой энергии. Он осторожно коснулся щеки дочери.

Его мысли оставались непроницаемыми, лицо — бесстрастным, но внезапно пальцы замерли возле уха Кэтрин, задев тонкую золотую цепочку на ее шее.

Немного помешкав, Асир взял пальцами круглый кулон. Он не собирался открывать его, но минутное смятение заставило его сделать это. Под крышечкой скрывался помятый семейный снимок. Бумага слегка разбухла от влаги — на ней остались следы чьих-то горьких слез.

Свежий порыв ветра Хвер ворвался в покои, разметав его струящиеся серебряные волосы и скрыв выражение его лица в зыбком полумраке.

Раздался тихий, сухой треск. Золотой кулон разлетелся на куски под действием невидимой силы. Осколки со звоном посыпались на пол, а крошечную фотографию, с которой улыбались три счастливых лица, ветер унес куда-то в темноту.

Внезапно Кэтрин невнятно застонала и с трудом приоткрыла веки, борясь с накатывающей дурнотой. Взгляд ее сфокусировался на Асире, и она замерла.

— Отец?.. — прошептала она после долгого молчания. В ее янтарных глазах отразился робкий испуг.

Да, это был ее отец. Пусть теперь его волосы и глаза светились тем самым мягким, призрачным сиянием, которое она видела на голограммах Атлантиды, размывая очертания его высокой фигуры, Кэтрин не сомневалась: перед ней стоял он. Только вот его взгляд стал царственным и грозным, лишенным и капли прежней теплоты.

Асир протянул руку и взял ее за ладонь, но не стал, как раньше, бережно прижимать ослабевшую дочь к груди.

Почувствовав его холодные пальцы, Кэтрин ощутила невидимое, давящее величие. Преодолевая слабость во всем теле, она неуверенно поднялась на ноги и встала рядом с ним. Отец изменился. Стал совсем другим.

Раньше он тоже бывал строг, но под этой суровостью Кэтрин всегда видела безграничную любовь. Порой ей казалось, что он дорожил ею даже сильнее, чем папа Хань. В моменты самого жгучего страха она привыкла прятаться в его надежных объятиях.

Теперь же все было иначе. Отец внушал ей ужас. Она больше не смела ластиться к нему, а робкая мысль попросить его обнять ее так и осталась невысказанной.

Послушно сжав руку Асира, Кэтрин украдкой огляделась по сторонам.

Здесь было невероятно красиво, словно в сказочном раю. Золотистые нити звездного света, похожие на пушинки одуванчика, мягко ласкали ее лицо.

"Кажется... я видела это место во сне?"

Она шла за отцом, с любопытством рассматривая сияющие чертоги, и ее страх постепенно утихал.

— Где мы, отец? — негромко спросила она.

— В Городе богов, — ответил Асир. Его голос звучал властно, но в нем проскользнула мягкость, которой он, возможно, и сам не заметил.

— В Городе богов... — повторила Кэтрин и, уловив эту перемену, покрепче сжала его ладонь.

Ей все еще было не по себе, все тело словно горело в лихорадочном огне, поэтому она невольно замедляла шаг, опираясь на руку отца. И тут же заметила, что Асир тоже пошел медленнее.

"Он беспокоится обо мне!"

"Отец все еще любит меня!"

Замечая каждую мелочь, девочка слабо улыбнулась. Но когда они уже собирались покинуть залу, ее взгляд упал на пол. Там, в холодном углу, лежали блестящие обломки ее кулона и смятая семейная фотография.

"Папа?!"

Кэтрин застыла на месте. Она не понимала, что стряслось и почему их семейный снимок оказался выброшенным в грязь.

Она открыла было рот, чтобы спросить, и попыталась высвободить руку, чтобы поднять дорогую вещь, но отец равнодушно прошел мимо. Он даже не коснулся бумаги, но снимок, когда-то омытый горькими слезами Хань Цзина, мгновенно рассыпался в прах и бесследно исчез.

Кэтрин вздрогнула. Глядя на пустые осколки, она словно все поняла, и в ее янтарных глазах отразилась глубокая детская обида.

Она покорно опустила голову и больше не проронила ни слова, позволяя Асиру уводить себя дальше.

Под ногами отца разливалось золотое сияние. С каждым его шагом на древней иссиня-черной почве проступали бесчисленные светящиеся узоры, похожие на корни гигантских деревьев.

Они слабо пульсировали, будто дышали в такт его движениям, обладая собственным разумом.

Казалось, отец был абсолютным владыкой этого места, и все живое склонялось перед его волей.

Кэтрин крепче вцепилась в его руку. Ощущение сказочного рая бесследно испарилось. Город богов оказался вовсе не идеальным миром — в его темных глубинах таилось нечто жуткое, от чего кровь стыла в жилах.

Иссиня-черная равнина уходила за горизонт. Золотые нити под ногами, точь-в-точь как нервные волокна человеческого мозга, ритмично вздымались и опадали. Прекрасные стены, еще недавно отливавшие лазурным блеском сапфиров, и безупречные темные здания начали трансформироваться. Они превращались в толстые золотые жгуты, которые переплетались друг с другом, словно гигантские лозы. Это замкнутое пространство походило на колоссальный, обнаженный клубок оголенных нервов и кровеносных сосудов.

При виде этой живой пульсирующей плоти Кэтрин испуганно попятилась. На этих дышащих золотых ветвях, тесно прижавшись друг к другу, висели обнаженные человеческие тела. Их было так много, что они казались гроздьями жутких плодов, созревающих на золотом древе.

Люди висели с опущенными головами, длинные волосы закрывали их лица. Было неизвестно, живы ли они и чувствуют ли боль, но Кэтрин охватила паника. Ей казалось, что это лишенные души пустые оболочки, пойманные в вечный кокон и обреченные на растерзание.

— Не бойся, — заметив ее испуг, Асир обернулся. — Ты моя дочь, и они не причинят тебе вреда. Здесь все создано мной. Я сотворил этот город.

Он указал на висящие тела:

— Это всего лишь сосуды, наши будущие носители. Взгляни на них. Какой тебе по душе? Выбирай любого, они все твои. Наш жизненный путь бесконечен, и со временем нам потребуется немало таких тел.

Асир неторопливо присел перед ней и приобнял дрожащую девочку.

— Сосуды?.. — Кэтрин побледнела еще сильнее. — Мы должны залезть в чужие тела, как паразиты? Нет, я не хочу! У меня есть свое тело!

— Твоя прежняя оболочка мертва, — Асир нахмурился. Несмотря на всю свою холодность, он не мог скрыть тревогу за дочь. — Лишь сила твоего божественного истока удерживает в тебе остатки жизни. Тебе необходимо забрать чужое тело, Кэтрин. Только так ты сможешь побороть смертоносную чуму.

Заметив, как сильно она противится, Асир смягчил тон:

— Не бойся, я буду рядом. Когда ты примешь силу Города богов, новое тело благодаря энергии веры сможет служить тебе долгие годы. Ты должна понять одну простую истину: ты — Руна, моя дочь. Твое призвание — взирать на этот мир с высоты, а не прозябать среди низших, презренных существ.

Его слова прозвучали для Кэтрин как приговор. Она сжала кулачки, готовая разрыдаться:

— Не хочу! Если я стану другой, папа Хань меня не узнает!

В мгновение ока аура Асира сделалась темной и удушающей, а в золотых глазах вспыхнула опасная буря. Он промолчал, но его рука, обнимавшая плечи Кэтрин, сжалась со страшной силой. Девочка тихо вскрикнула от боли, и божество словно очнулось.

— Больно? — спросил он с непривычной растерянностью в голосе, но тут же вновь помрачнел.
— Ты обязана подчиниться. Переселение души неизбежно.

Он пристально посмотрел на дочь, и его тон не терпел возражений.

Кэтрин, глотая слезы, мало что понимала в его словах, но противилась самой их сути. Она попыталась отступить назад, но пальцы отца крепко держали ее за запястье.

— Если ты растратишь свой исток, то превратишься в это, — Асир поднялся во весь рост и указал рукой в самую глубь залы.

Словно подчиняясь его безмолвному приказу, нервные золотые нити вспыхнули ярче, заливая светом все пространство. И лишь в том направлении, куда указывал его безупречный палец, за клубилась густая тьма, выставив напоказ скрытую фигуру.

Этот человек сидел неподвижно, свесив голову. Его длинные белоснежные волосы казались безжизненными, а мертвенно-бледная кожа напоминала холодный полупрозрачный нефрит, покрытый крупными угольно-черными пятнами гнили.

Внезапно несчастный поднял голову. Кэтрин испуганно вскрикнула и спряталась за спину отца.

Ее охватил первобытный ужас. У этого существа тоже были золотые глаза, но теперь их подернула мутная дымка агонии. И этот умирающий взор был устремлен прямо на нее — в нем читалась лютая, непреходящая ненависть.

Асир прижал к себе дрожащую дочь и холодно посмотрел на узника. Золотые жилы под его

ногами ожили — по ним, словно кровь по артериям, потекли светящиеся ручьи энергии, стягиваясь к опутывающим пленника лозам.

Белокурый гигант задергался в путах, но силы быстро оставили его. Он судорожно вздохнул и бессильно уронил голову на грудь, угасая на глазах.

— Кто... кто это? — шепотом спросила Кэтрин спустя долгое время.

— Тот, кто хотел причинить нам вред. Но его погубила смертоносная чума. Поэтому ты должна слушаться меня, дитя, иначе тебя ждет та же участь, — Асир утаил от нее истину, желая лишь одного — сломить ее сопротивление.

"В глубине души ты ведь и сам все понимаешь. Твой Морис — это и есть Асир из древних легенд"

"Не цепляйся за прошлое, Хань Цзин. Руны обладают безграничным разумом и живут миллионы лет. Ваши четыре года — даже с учетом иллюзии Атлантиды, продлившей их до века — для них лишь капля в океане. Песчинка, затерянная в бесконечном потоке их памяти"

"Он просто сотрет тебя из своего разума. Когда к нему вернутся древние знания, твой образ превратится в блеклое воспоминание, а чувства, что связывали вас, он сочтет лишь постыдной слабостью"

"Он больше не твой Морис. Он — Руна. И если вы встретитесь, он без колебаний убьет тебя"

Слова Форсети набатом звенели в голове Хань Цзина.

Хань Цзин до боли сжал кулаки — пальцы хрустнули в гробовой тишине. Слез больше не было. Жуткая реальность, нависшая над ними, не оставляла времени на скорбь.

Сейчас он находился на взлетно-посадочной палубе Атлантиды — колоссальной платформе, парящей над бескрайним иссиня-черным металлическим мегаполисом. Далеко на горизонте небо окрашивалось в бледные лазурные тона.

Прямо напротив платформы в воздухе зависли Звёздные врата. Огромное кольцо высотой с двадцатипятиэтажный дом казалось невообразимо величественным, но здесь, на фоне исполинских масштабов Атлантиды, оно выглядело лишь скромной деталью этой летучей крепости.

Исследования Атлантиды продвинулись куда дальше, чем предполагал Хань Цзин. С момента окончания битвы при Балун-Дунъя прошло уже трое суток, которые он провел в беспамятстве

из-за тяжелых ранений. Пока он был без сознания, Элохим взломали древние голограммы. Эти существа тысячи лет изучали технологии девятимерного пространства, поэтому запуск механизмов летающего города не стал для них невыполнимой задачей.

И сегодня, продемонстрировав записи Атлантиды лидерам человечества, Форсети выдвинул ошеломляющее предложение. Он призвал людей навсегда покинуть истерзанную войной Землю и отправиться в неизведанные глубины космоса на поиски нового дома, где человеческая цивилизация сможет возродиться из пепла.

Президент Земли обладал полнотой информации и прекрасно понимал, сколько смертельных угроз и призрачных надежд таит в себе этот шаг. Но горькая правда заключалась в том, что люди, находясь на низшей ступени развития, были абсолютно бессильны перед лицом высших рас и их беспощадных боевых машин. Две волны кровавой зачистки стали для человечества жестоким уроком.

Выбора не было. Приходилось во всем полагаться на Элохим, чьи технологии превосходили человеческие на световые годы. После экстренного совещания правительство официально приняло предложение пришельцев. Началась подготовка к исходу.

Казалось, эвакуация сотен лагерей и спасение сотен тысяч выживших затянется минимум на неделю. Но Элохим в очередной раз продемонстрировали пропасть, разделяющую их цивилизации. Они активировали Звёздные врата прямо над Атлантидой. Из глубин космоса сквозь пространственные проколы на Землю устремились уцелевшие транспортные корабли эвакуационного флота.

Сквозь ревущие потоки лазурного пламени в небе над палубой один за другим начали возникать корабли Элохим. Пришельцы называли эти транспорты "микро-судами", но для людей они казались исполинскими левиафанами размером с легендарную "Аврору". Огромные тени бесшумно скользили над головами, заслоняя свет.

— Боже мой... То, что наши ученые считали фантастикой, происходит наяву! — потрясенно прошептал майор Прук, глядя, как очередной корабль растворяется в воздухе после короткой вспышки энергии.

— Они используют пространственные переходы для мгновенного перемещения, — негромко произнес Хань Цзин. Его голос, холодный и твердый как гранит, нарушил долгое молчание.

Он всматривался в мерцающие небеса Атлантиды с нарастающей тревогой. Его личный опыт столкновения с внеземными цивилизациями превосходил знания любого земного чиновника.

Пройдя через пекло миссии SG-I и увидев своими глазами грандиозные космические баталии, Хань Цзин понимал: эти челноки действительно крошечные по сравнению с исполинскими армадами, бороздившими просторы вселенной.

Насколько же чудовищной была та битва, переписавшая историю Элохим и навсегда изменившая его собственную судьбу? Битва, заставившая Форсети признать, что их великий народ стоит на пороге вымирания?

И все же у человечества не осталось иного пути. Исход в неведомое казался единственным проблеском надежды в кромешной тьме.

Защитный купол Атлантиды слабо мерцал, напоминая мыльный пузырь, готовый лопнуть в любую секунду и оставить беззащитную, растерзанную Землю на растерзание безжалостным захватчикам.

Хань Цзин нахмурился. В его темных глазах отражались колоссальные силуэты, заполнившие все небо за пределами барьера. Вражеские мехи отступили, но их место заняли боевые крейсеры пришельцев. Несметная армада выстроилась в боевые порядки, превратив день в бесконечную ночь.

Враги наверняка почуяли присутствие Элохим.

Значит, новая битва титанов неизбежна? Прямо здесь, на орбите Земли?

Станут ли угасающие Элохим проливать кровь ради людей? Смогут ли они одолеть превосходящие силы врага?

У Хань Цзина не было ответов. Он лишь понимал, что человечество поставило на карту все, совершая безумный шаг в неизвестность.

Сквозь бреши в строю вражеских исполинов пробивались редкие, блеклые лучи солнца. Они скользили по холодному металлу Атлантиды, но не приносили тепла. Для Хань Цзина этот тусклый свет казался искрами догорающего костра посреди ледяной пустыни — обреченным на скорое угасание во тьме.

В его груди поселился холод. Опустошенный, парализованный безразличием, он послушно исполнял один приказ за другим, словно живой мертвец.

Небо вновь содрогнулось от энергетической бури. Очередная исполинская тень накрыла палубу, и над платформой взревел яростный вихрь.

— Назад! Всем немедленно отступить за ограничительную линию! — Хань Цзин мгновенно взял себя в руки и скомандовал подчиненным убраться в безопасную зону.

Стоило им отойти на десяток метров, как зависший транспортник изрыгнул ослепительные пучки белого света. Лучи замелькали по платформе с немыслимой скоростью.

Несколько офицеров в ужасе попятились, вспомнив кровавую бойню месячной давности, когда подобные лучи испепеляли все живое. Но Хань Цзин остался стоять на месте, не шелохнувшись.

Спустя пару минут гул затих, и лучи растворились во тьме. На огромной палубе воцарилась мертвая тишина, которая мгновенно сменилась многоголосым, паническим криком.

Колоссальная металлическая платформа площадью в тысячи квадратных метров оказалась забита людьми. Перепуганные, растерянные толпы озирались по сторонам, не в силах осознать то, что с ними произошло секунду назад.

— Где мы?! Мы же только что были на Базе № 36!

— Это лучи пришельцев?! Нас убивают?! Чжан Е! Чжан Е, где ты?!

— Мама! Я здесь!

— Мама! — темноволосый мальчуган отчаянно пробирался сквозь толпу на зов.

Постепенно люди начали замечать величие этого места, осознавая, что перенеслись в совершенно иной, невысказанный мир — в парящий над облаками город богов. Толпа бурлила, словно кипящий котел.

— Помните объявление по радио?! Говорили об эвакуации... Об Атлантиде!

— Неужели это она?! Мы на Атлантиде?!

— Быть не может! Мне это снится?!

Пережив слишком много кошмаров на руинах старого мира, люди разучились верить в чудеса. Они судорожно цеплялись за плечи друг друга, боясь, что этот прекрасный сон вот-вот растает, вернув их в суровую реальность. А реальность была чудовищной. Ресурсы таяли на глазах, паника росла, и даже отчаянные попытки правительства сохранить порядок едва сдерживали голодные бунты. Пожираемые страхом перед армадами инопланетных кораблей, обычные люди балансировали на грани безумия. Напряжение было столь велико, что разум многих не выдерживал. Кто-то сводил счеты с жизнью, кто-то сеял панику, предвещая скорый конец света. Моральные устои общества рушились, и закон теперь держался исключительно на дулах автоматов.

Глядя на беснующуюся толпу, Хань Цзин хмурился. Методы Элохим казались ему излишне жестокими и поспешными. Никаких объяснений, никакого времени на сборы — людей просто выдергивали лучами телепортации из лагерей и перебрасывали за тысячи миль на парящую цитадель.

Он сделал знак майору Пруку, приказывая тому навести порядок и утихомирить панику. Сам Хань Цзин не хотел произносить ни слова. Опустошенный и отрешенный, он понимал, что его холодный, безжизненный тон лишь усугубит всеобщий ужас.

Отойдя в сторону, он безучастно наблюдал за процессом размещения беженцев, отдавая лаконичные приказы подчиненным.

<http://bllate.org/book/19677/2006505>